

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Письменность
Искусство
Археология

Ежегодник
1976

Βιβλιοθήκη
«Χριστιανική τέχνη»
✠ № 1078

Издательство «Наука». Москва 1977

ИКОНА «БОГОМАТЕРИ ФЕДОРОВСКОЙ» 1239 Г.

С. И. Масленицын

Икона «Богоматерь Федоровская» (стр. 157) написана (как мы покажем ниже) в 1239 г., в дни реставрации прославленной иконы «Богоматерь Владимирская», очевидно к свадьбе Александра Невского, по заказу великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича, носившего в крещении имя Федора. В 70-х годах XIII в. икона «Богоматерь Федоровская» стала палладиумом костромского князя Василия Ярославича, занимавшего в те годы великое княжение владимирское. Икона почиталась повсеместно в России в XVII в. в связи с избранием на царский престол Михаила Романова.

После реставрации в 1919—1920 гг. икона оказалась вне поля зрения исследователей, возможно, по причине плохой сохранности живописи XIII в., не дающей, по словам А. И. Анисимова, «ничего кроме разрозненных и небольших фрагментов»¹. Между тем анализ этих фрагментов и сравнение легенды о «явлении» образа Василию Ярославичу с фактами исторической жизни XIII в. позволяют довольно точно определить время создания прославленной костромской иконы.

Мнения историков искусства о дате написания этой иконы противоречивы. Н. П. Копдаков и А. И. Анисимов считают, что она написана не позднее 1239 г., т. е. года, приводимого легендой о «явлении» иконы Василию Ярославичу². Н. В. Покровский и В. Н. Лазарев относят ее создание к 70-м годам XIII в.³ Н. Э. Грабарь, первоначально датировавший произведение копцом XII в., после раскрытия иконы относил ее к концу XIII в. и даже ко второй половине XIV в.⁴

Никто из названных исследователей не сделал должного анализа легенды о «явлении» «Федоровской Богоматери» Василию костромскому. Согласно легенде икону «Богоматерь Федоровская» написал якобы сам апостол Лука. Впервые она была найдена в старой деревянной часовне близ города Городца великим князем владимирским Георгием Всеволодовичем, основавшим в честь найденной иконы Федоровский монастырь. После сожжения Городца в 1239 г. татарами икона «не захотела оставаться на пустом месте» и была перенесена в Кострому «святым воном» Федором Стратилатом. Случилось это 15 августа, в «праздник Успения Богоматери». А на следующий день, 16 августа, в «праздник перенесения образа Нерукотворного Спаса из Эдесса в Царьград» великий костромской князь Василий, сын великого князя Георгия — Ярослава владимирского и внук Александра Невского (!), «поеха на поле со псы, якоже есть обычай князем веселится». В чаще леса он увидел икону «Федоровской Богоматери», висевшую на сосне. Василий с помощью костромских священнослужителей переносит ее в Кострому и ставит в соборную церковь Федора Стратилата⁵. В 1272 г. Василий, вспомнив пример Андрея Боголюбского, выносившего в походах впереди войска икону «Владимирской Богоматери», берет на битву с татарами «Федоровскую», и последняя якобы помогает костромичам разбить врага. Так как собор Федора Стратилата в Костроме был деревянным, то уже во времена княжения Василия Ярославича он горел три раза, но каждый раз после пожара икона оставалась «невредимой». На-

конец, Василий Ярославич, «совет сотвориши с бояры своими и со всем народом», строит в Костроме каменный собор Успения Богоматери с приделью в честь Федора Стратилата, куда и помещает «явленную» ему икону.

Рассказ о княжении Василия в Костроме, приводимый легендой, изобилует погрешностями в датировках, путаницей имен. Подобными неточностями страдают многие легенды о памятниках древнего искусства. Как пишет В. О. Ключевский, «у народной памяти своя хронология и прагматика, своя концепция исторических явлений»⁶. Попробуем сопоставить рассказ легенды с известными фактами жизни Василия Ярославича костромского.

Василий Ярославич — сын Ярослава Всеволодовича и брат Александра Невского — родился в 1241 г.⁷ Таким образом, «явление» ему иконы не могло быть в 1239 г. Василий был «мизинным», т. е. младшим сыном. В 1246 г. после смерти отца, пяти лет от роду, он становится князем костромского удела — самого малозначительного во владениях его отца. В 1266 г. ростовский епископ Игнатий совершает в Костроме в церкви Федора Стратилата обряд бракосочетания Василия. В 1272 г., после смерти Ярослава Ярославича тверского, Василий, как последний из сыновей Ярослава Всеволодовича, становится великим князем владимирским. В 1276 г. 35 лет от роду Василий умирает в Костроме, не оставив наследника, и великое княжение переходит к его племяннику — сыну Александра Невского — Дмитрию переславскому.

Недолгая жизнь и четыре года великого княжения Василия Ярославича приходятся на время ожесточенных междоусобиц. Еще при жизни брата — великого князя Ярослава тверского — Василий, опасаясь захвата Костромы Тверью, ведет борьбу за влияние в Новгороде. В 1270 г. он едет в Орду защищать интересы новгородцев, поддерживая их возмущение правлением Ярослава. Став великим князем, Василий вынужден бороться за новгородский стол с Дмитрием переславским. Видимо поэтому, вступив на великое княжение, Василий не поехал в стольный Владимир, а остался в удельной Костроме, очевидно считая ее местом более надежным в случае новых усобиц. Летописи восхваляют Василия как князя, «имевшего любовь к церквям и духовенству». При нем состоялся в 1274 г. во Владимире собор, посвященный вопросам «цер-

ковных правил и мер исправления правственности духовенства и уничтожения в народе языческих обрядов и верований».

«Чудесное явление» иконы «Федоровской Богоматери», безусловно, как полагают и Н. В. Покровский, и В. Н. Лазарев, приходится на время великого княжения Василия Ярославича. Но время создания иконы можно определить точнее.

Костромская икона вошла в историю под названием «Федоровской», ее появление в Костроме связывается со «святым вином» Федором Стратилатом. Если она была создана в годы правления Василия Ярославича и по его распоряжению, то почему она не названа по его единственному имени — «Васильевской»? Легенда свидетельствует и о том, что до Василия костромского икона уже «являлась» великому князю Георгию Всеволодовичу, основавшему в честь нее вблизи Городца Федоровский монастырь. Легенда называет отцом Василия костромского этого Георгия, но, правда, прибавляет ему имя Ярослава, а родного брата Василия — Александра Невского — объявляет отцом Георгия — Ярослава. Как известно, Георгием звали брата отца Василия костромского — великого владимирского князя Юрия Всеволодовича, погибшего в 1238 г. в битве с татарами на реке Сите⁸. Если бы костромская икона была написана по заказу Юрия Всеволодовича или принадлежала ему, то более естественным названием для нее было бы «Георгиевская» и, наверное, этот князь основал бы у Городца не Федоровский монастырь, а Георгиевский. Но все легенды о костромской иконе упорно связывают ее с именем Федора Стратилата. Легенды относят «явление» «Федоровской» Василию Ярославичу к 1239 г. Не является ли эта легендарная дата действительной датой создания иконы?

Как известно, отец Василия костромского — великий владимирский князь Ярослав Всеволодович — носил в крещении имя Федора, ибо родился 8 февраля в дефь Федора Стратилата⁹. Личность Ярослава, энергичного политика и воина, по-видимому, была достаточно популярна в первой половине XIII в. и даже затмевала фигуру брата — великого князя владимирского Георгия — Юрия, занимавшего великокняжеский стол по-старинству. Во всяком случае на страницах истории первой половины XIII в. даже в годы великого княжения Юрия чаще встречается имя Ярослава. Ярославу посвящено знаменитое «Моление

«Богоматерь Федоровская».
1239 г.
(После реставрации).
Кострома.
Церковь Воскресения на Девре

Данила Заточника»¹⁰, он был князем, любимым в Новгороде Великом. В 1221 г. новгородцы изгнали сына Георгия — Всеволода — и пригласили на свой стол Ярослава, которого приняли «с честью мною»¹¹. В год смерти Ярослава или несколько позднее новгородцы украсили одну из стен Спасо-Нередицкой церкви его изображением; в надписи, сопровождающей это изображение, новгородцы восхваляют Ярослава как «второго Всеволода», отмечая тем самым его заслуги перед Великим Новгородом¹².

На великое княжение владимирское Ярослав Всеволодович взошел в 1238 г., после гибели брата Георгия — Юрия. Он приехал во Владимир, жестоко разграбленный татарами, одним из первых актов политической деятельности Ярослава великого князя было восстановление городов Северо-Восточной Руси, сожженных татарами в поход 1237—1238 гт. Особенно опустошительным был в указанные годы набег татар на города Поволжья: Кашин, Углич, Ярославль, Кострому, Городец. Можно предполагать, что церковь Федора Стратилата в Костроме и Федоровский монастырь близ Городца были основаны Ярославом Всеволодовичем в честь своего патрона¹³.

Ярослав Всеволодович был последним великим владимирским князем, продолжателем традиций Андрея Боголюбского и Всеволода III Большое Гнездо. После него авторитет великого князя владимирского, если не принимать во внимание короткое княжение его сына — Александра Невского, пошел на убыль. С Ярославом связаны так или иначе все наиболее значительные события истории Руси первой половины XIII в. Икона «Богоматери Федоровской», по-видимому, также была создана в годы княжения Ярослава Всеволодовича. В правильности такого предположения убеждает само название костромской иконы, которое, можно думать, объясняется именем патрона Ярослава, что подтверждается и связью ее «явления» с Федором Стратилатом — патроном Ярослава, и основанием в честь иконы Федоровского монастыря в Городце. Возможно, что название «Федоровская» было дано иконе не только по христианскому имени Ярослава Всеволодовича, но и в память его старшего сына Федора, умершего в 1233 г., 14 лет¹⁴.

Легенда совсем ничего не говорит об изображении Параскевы на обороте костромской иконы (стр. 161), но древность жи-

вописи этого изображения не вызывает сомнений, именно она дает ценнейший материал для атрибуции иконы «Богоматери Федоровской» как памятника живописи первой половины XIII в. Известно, что во Владимиро-Суздальской Руси культ Параскевы был распространен мало. Мы не знаем ни икон этой святой владимиро-суздальского происхождения, ни древних храмов Владимира и Суздаля, посвященных ей. Справедливо будет предположить, что изображение Параскевы на обороте костромской иконы, созданной, безусловно, в пределах Владимиро-Суздальской земли, могло появиться только по желанию заказчика, имевшего долгую и непосредственную связь с Новгородом и потому глубоко верившего в покровительство святой, столь популярной среди новгородского населения. О том, что изображения Параскевы бытовали на оборотах икон Богоматери новгородской работы, можно судить по иконе XIII в. «Богоматерь Знамение» из собрания П. Д. Корина¹⁵. Параскева могла быть чтима среди женщин семьи Ярослава Всеволодовича. Вторая жена Ярослава — дочь Мстислава Мстиславича торопецкого — постоянно жила в Новгороде и похоронена рядом со своим сыном Федором в Юрьеве монастыре. Наконец, в 1239 г., когда по преданию «авилская» «Федоровская», произошло бракосочетание Александра Невского с дочерью полоцкого князя Брючича — Параскевою¹⁶. Вполне вероятно, что изображение Параскевы, почитавшейся на Руси покровительницей свадеб и невест, появилось на обороте иконы «Богоматери Федоровской» именно по этому случаю. Совершенно же святой с дочерью могущественного полоцкого князя, вероятно, дала иконописцу повод изобразить святую Параскеву не в обычном мученическом одеянии, а в роскошном княжеском наряде. Высказанная здесь гипотеза о первоначальной принадлежности иконы Александру Невскому подтверждается и легендой о появлении ее в Костроме, сведениями, что прежде икона находилась в Федоровском монастыре города Городца. Как известно, Федоровский монастырь в Городце был в 1263 г. последним пристанищем Александра Невского, возвращающегося из поездки в Орду. Василий Ярославич мог вывезти икону из Городца спустя семь лет, в 1270 г., на обратном пути из Орды, куда он ездил защищать интересы новгородцев, недовольных правлением Ярослава Ярославича тверского.

«Богоматерь Федоровская», 1239 г. (Фрагмент после удаления записей XVI—XIX вв.; фот. 1920 г.)

Одним из первых мероприятий Ярослава Всеволодовича по восхождению на великое княжение была реставрация главной святыни столярного Владимира — иконы «Богоматери Владимирской», пострадавшей после разорения татарами ее драгоценного оклада. Татары разграбили оклад Владимирской в 1237 г., а Ярослав Всеволодович стал великим владимирским князем после 1238 г. Следовательно, реставрация живописи иконы столярного Владимира приходится не на 1237 г., как предполагает большинство исследователей древнерусского искусства, а на время после 1238 г. И. Э. Грабарь, В. Н. Лазарев, В. И. Антонова в работах, посвященных развитию русской иконографии икон «Умиления», композицию иконы «Богоматери Федоровской» рассматривают как близкую к образу «Владимирской».

Близость этих икон подтверждают не только сходством композиционного построения.

Некоторые детали предания о «явлении» костромской иконы по существу прямо указывают на то, что «Федоровская» — копия, исполненная по заказу Ярослава Всеволодовича с иконы «Владимирской Богоматери».

Так, предание утверждает, что «Федоровская» написана святым иконописцем Лукой. Как известно, среди древних икон Богоматери на Руси издавна почиталась творением Луки икона «Богоматери Владимирской». В иконописных подлинниках на прописях с «Владимирской» обычно отмечалось: «снем [снят] с чудотворной иконы, что Луки Евангелиста письма на Москве в соборной церкви Успения»¹⁷. Вероятно, в годы своего создания костромская икона считалась «списком» с чудотворной иконы, написанной, по преданию, евангелистом Лукой, а название «Федоровская» — по христианскому имени Ярослава Всеволодовича — должно было указывать, кто повелел сделать «список». Важно и другое обстоятельство. Легенда, рассказывая о битве Василия Ярославича с татарами в окрестностях Костромы, сообщает, что Василий Ярославич велел нести свою икону впереди войска. Видимо, он, подражая примеру Андрея Боголюбского, верил в «чудотворную» силу иконы, списанной с прославленного образа. Ярослав Всеволодович мог заказать список с «Владимирской Богоматери» в момент реставрации иконы Андрея Боголюбского, и, таким образом, дата легенды о «явлении»

Федоровской в 1239 г. обретает полную убедительность.

Все вышеизложенные данные, полученные путем сравнения легенды об иконе «Федоровской Богоматери» с известными фактами истории первой половины XIII в., хорошо подтверждаются стилистическим анализом сохранившихся фрагментов живописи костромской иконы. Обратимся к стилистическому анализу и сравнению живописи «Федоровской» с памятниками иконописи первой половины XIII в.

От живописи на лицевой стороне иконы «Богоматери Федоровской» сохранились лишь небольшие фрагменты. В лучшей сохранности до наших дней дошло изображение Параскевы. Обычно Параскева Пятница предстает на иконах в образе мученицы с крестом в руке. На костромской иконе креста в руках Параскевы нет, ее руки раскрыты ладонями к зрителю. Параскева облачена в богато орнаментированный красный плащ, отороченный широкой каймой и с круглыми наплевниками. От живописи XIII в. на изображении Параскевы сохранились только одежды, небольшие куски первоначального белого нимба и серебряного фона. На лице и руках при реставрации 1919—1920 гг. оставили слои живописи XVII—XVIII столетий, «разрядив» их под стиль живописи XIII в. Частично живопись XVII—XVIII вв. сохранили и на одеждах.

Красный цвет плаща Параскевы по тону близок красному цвету золотника под ногами Богоматери Великой Панагии в «Ярославской Оранте». Плащ украшен орнаментом в виде небольшой пальметты, обрамленной листообразной рамкой, которая соединяется с другой, подобной ей, небольшим золотым ромбиком. Все элементы орнамента сначала прорисованы краснокоричневой линией, на которую затем положено листовое золото. Последовательность исполнения орнамента на плаще Параскевы очень напоминает последовательность исполнения орнамента ткани на иконе «Ярославской Оранты», где узор вначале прорисован черной краской, затем на нужные участки положено листовое золото, а выступающие по краям черные линии первоначального рисунка получили смягчающую контраст между красным и черным цветом белую обводку. Орнамент, украшающий плащ Параскевы, типичен для русского искусства XII—XIII вв. Мотив пальметты, заключенной в листообразное обрамление (чаще всего обрамляющий

«Параскева Пятница». Оборот «Богоматери Федоровской». 1239 г. Кострома, церковь Воскресения на Девре

*«Параскева
Пятница».
Оборот
«Богоматери
Федоровской»,
деталь
живописи
XIII в.*

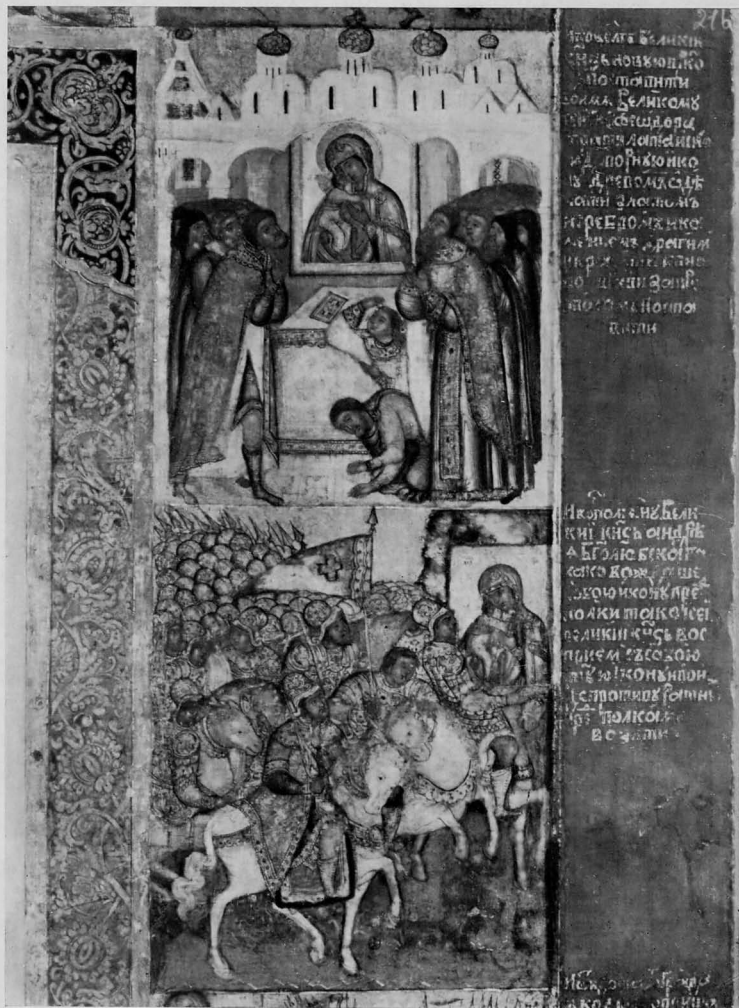
лист имеет сердцевидную форму), был распространён в искусстве Владимиро-Суздальской Руси. Близкой аналогией орнаменту костромской иконы служит орнамент на серебряной оправе так называемого шлема Ярослава Всеволодовича и рельефный орнамент, украшающий стволы колонок порталов и аркатурного фриза на северной стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском¹⁸.

Кайма и наплечники плаща Параскевы белого цвета. Везде на белой краске видны остатки золотых кружков довольно крупного размера, по-видимому, имитировавших украшение каймы золотыми пуговицами или бляшками. Золотыми были в XIII в. и поручи, украшенные разделками, от которых сохранились лишь ничтожные по величине кусочки белой и красной красок. Темно-зеленый цвет рукавов относится к XVII в. При появлении иконы перво-

начальный серебряный фон несколько раз золотили и даже записывали охрой.

Не противоречат датировке первой половины XIII в. и фрагменты первоначально-го красочного слоя на лицевой стороне иконы. Согласно реставрационной документации 20-х годов, фон лицевой стороны также был серебряным¹⁹. Нимбы у Богоматери и младенца — белыми. Мафорий Марии — темно-вишневого цвета с красной пробелкой. Пробелка мафория исполнена широкими мазками. Цвет пробелки несколько темнее цвета плаща Параскевы, но, вероятно, мастер использовал для пробелки тот же красный пигмент, лишь добавив в него немного какой-то темной краски. Теневые места складок прорисованы черными полосами. Исполнение пробелки мафория и проработки теневых складок широкими черными полосами напоминает разделку мафория Богоматери Великой Панагии, на котором световые места складок покрыты крупными полосами золота, а теневые также прорисованы широкими черными линиями.

Мафорий Богоматери на костромской иконе украшен двумя запонами в виде ромба, по внешним сторонам которых укреплены крупные полукруглой формы камни, а у углов ромбов — по три крупных жемчужины. Расположение жемчужин по углам ромбических запон на мафории «Федоровской» напоминает расположение жемчужин у запон мафория «Ярославской Оранты». Большое сходство имеется и в орнаментовке каймы мафориев в этих иконах. Кайма мафория «Федоровской» в отличие от каймы мафория «Ярославской Оранты» украшена не тремя рядами точечного орнамента, а двумя, но также исполненного по листовому золоту. На «Федоровской» точечный орнамент несколько крупнее по рисунку и точки соединены друг с другом линиями. Ряды точечного орнамента разделяются на равные по длине отрезки крупными красными камнями круглой формы. Возможно, что подобные камни раньше были и на кайме мафория Великой Панагии, так как и на ней точечные ряды прерываются на равных расстояниях и остаются незаполненными участки золота, форма которых позволяет угадывать в этих местах ранее существовавшие дополнительные украшения в виде крупных круглых цветных камней. На лице Богоматери Федоровской сохранился кусочек ярких алых губ, близких по цвету губам Великой Панагии.

Клейма
икон
«Богоматерь
Федоровская».
Конец
XVII в.
Икону
Богоматери
ставят
в церковь
Федора
Стратилата.
Василий
Ярославич
выносит
икону
вперед
войска
на битву
с татарами

«Богоматерь Федоровская», XVI в. (После реставрации) Гос. Третьяковская галерея

Белые нимбы костремской иконы, некогда эффектно выделявшиеся на фоне серебра и хорошо очерчивающие силуэты голов, можно сопоставить с белыми нимбами иконы «Ярославской Оранты». Как известно, цветные нимбы были частым явлением в произведениях русской живописи домонгольского периода и только с XIV в. повсеместно получили широкое распространение золотые нимбы²⁰

И. Э. Грабарь и В. И. Антонова пришли к выводу, что фигура младенца Христа на иконе «Владимирской Богоматери» до поновлений XV—XVI вв. имела совершенно иное положение²¹. И. Э. Грабарь предполагал, что «младенец на иконе Владимирской Богоматери в момент прибытия иконы в Киев либо еще стоял, либо был очень длинен». В. И. Антонова в своей работе о первоначальной композиции иконы «Владимирской» высказала мнение, что до реставрации XV—XVI вв. младенец был изображен в отроческих одеждах, с оголенными до колен ножками, сидящим

на руке матери. В. И. Антонова считает древнейшим повторением иконы Андрея Боголюбского «Богоматерь Белозерскую» XIII в.

Первое поновление «Владимирской», как уже говорилось, состоялось по прибытии Ярослава Всеволодовича на великое княжение. Небольшой фрагмент чинки времен Ярослава на иконе «Владимирской» был обнаружен при раскрытии памятника от поздних записей в 1918 г. Фрагмент реставрации XIII в. сохранил только два кончика пальцев левой руки Богоматери и кусок рукава правой руки младенца. Пальцы Марии, касаясь руки младенца, как бы поддерживают его или помогают ему сохранить равновесие, которое он мог потерять, встав на коленях матери и только успев обхватить ее шею одной рукой. Быть может, именно столь сложный по движению младенца момент и был первоначально запечатлен на «Владимирской» иконописцем XII в., стремившимся сообщить своему произведению как можно больше жизненной правды. Некоторое подобие такого изображения младенца сохраняет иконография «Федоровской». Изображение младенца на костремской иконе в основном относится к XVII—XVIII вв., и, очевидно, частые поновления лицевой стороны этой иконы внесли некоторые изменения в рисунок его фигуры. На копии «Федоровской» XVI в.²² фигура младенца изображена более выпрямленной, как бы стоящей на коленях Марии (стр. 172). Рукав рубашки младенца на этой копии — белый, а не закрытый ассистом, как на поздних списках «Федоровской» или на зареставрированном изображении XIII в. Абсолютно тождественны на иконах «Владимирской» и «Федоровской» рисунок и местоположение левой руки младенца. Вряд ли эти отмеченные совпадения в рисунке руки и раскраске рукава были простой случайностью. Многие исследователи древнерусского искусства не без основания считают, что иконография «Федоровской» «заимствована» или «навеяна» образом «Владимирской»²³. К сожалению, плохая сохранность первоначального изображения фигуры младенца на иконе «Федоровской» и полное отсутствие древней живописи на изображении фигуры младенца на иконе «Владимирской», видимо, никогда не дадут исследователю возможности выявить первоначальное положение фигуры младенца Христа на этих ранних произведениях живописи, являю-

пихся первоисточниками иконографии целого ряда русских икон типа «Умиления». Но приведенный выше анализ легенды о «явлении» костромской иконы дает как будто бы основания предполагать, что наиболее близкой к первоначальной иконографии знаменитой иконы из Вышгорода является иконография костромской иконы.

В заключение следует сказать хотя бы несколько слов о судьбе иконы «Федоровской Богоматери» в XVII и XVIII вв. После кончины Василия Ярославича костромского на великое княжение владимирское сел сын Александра Невского — Дмитрий переславский. Кострома вновь стала одним из глухих городов Северо-Восточной Руси. Была позабыта и «чудотворная» костромского князя. Все списки «Сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери в Костроме» делятся на две вполне четко различимые части: древнюю и новую. Древняя повествует о событиях XIII в. и обрывается на смерти Василия Ярославича костромского. Новая начинается с описания поновления иконы в 1636 г. и содержит рассказы о чудесах, «явленных» иконой в XVII — XVIII вв.

Восстановление почитания «Федоровской» в XVII в. и широкое распространение ее культа по всей России связано с первым царем дома Романовых — Михаилом. В честь избрания Михаила русским царем был установлен праздник иконы «Федоровской Богоматери» 14 марта. Появились многочисленные «списки» костромской «чудотворной», один из первых был заказан матерью Михаила Романова — инокиней Марфой. Со второй половины XVII в. получают распространение иконы «Федоровской» с клеймами истории образа. Среди подобных произведений иконописания XVII — XVIII вв. выделяется качеством исполнения и интересной трактовкой сюжетов в клеймах большая икона конца XVII в., хранящаяся в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике (стр. 165). Она была найдена автором этой статьи в 1960 г. в подвале церкви Спаса на Запрудне в Костроме и

реставрирована Н. В. Дунаевой в 1969 г. в ГЦХНРМ им. И. Э. Грабаря. Клейма иконы по содержанию соответствуют тексту «Сказания о явлении и чудесах», составленному в 1670 г. «по обещанию» иеродиакона Ипатьевского монастыря Лонгина²⁴.

В течение XVII — XVIII в. древняя «чудотворная» икона «Богоматери Федоровской» несколько раз подвергалась «обновлению олифой» и реставрициям, о которых подробно рассказал в своих интересных «Записках» костромской потомственный иконописец Василий Никитин Вошин, живший в первой половине XVIII в.²⁵

«Богоматерь Федоровская» (После реставрации). Конец XVII в. Костромской музей

*

¹ А. И. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи.— «Вопросы реставрации», II. М., 1928, стр. 161.

² И. П. Кондаков. Иконография Богоматери. СПб., 1911, стр. 58.

³ Н. В. Покровский. Памятники церковной старины в Костроме.— «Вестник археологии и

истории», вып. XIX. СПб., 1909, стр. 33—34; В. И. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси.— «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 496.

⁴ Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966, стр. 237, 220, 163.

⁵ «Сказание о явлении и чудесах Федоровской

- иконы Богоматери в Костроме», с предисловием И. В. Важенова. — «Вестник археологии и истории», вып. XIX. СПб., 1909, стр. 210.
- ⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II. М., 1957, стр. 26.
- ⁷ В. Н. Тагицев. История российская, т. V. М.—Л., 1965, стр. 30; А. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I. СПб., 1889, стр. 40.
- ⁸ В. Н. Тагицев. История, т. IV, стр. 376.
- ⁹ Там же, т. IV, стр. 312.
- ¹⁰ Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. М., 1956, стр. 173.
- ¹¹ В. Н. Тагицев. История, т. IV, стр. 360.
- ¹² Ю. И. Дмитриев. Изображение отца Александра Невского на Нередицкой фреске XIII в. — «Новгородский исторический сборник», вып. 3—4. Новгород, 1938, стр. 39—57.
- ¹³ И. Миловидов. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1885, стр. 23—25.
- ¹⁴ В. Н. Тагицев. История, т. IV, стр. 371.
- ¹⁵ К. Opasch. Ikonen. Berlin, 1961, taf. 18—19.
- ¹⁶ В. Н. Тагицев. История, т. V, стр. 25.
- ¹⁷ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник. М., 1895, стр. 52.
- ¹⁸ «История культуры древней Руси», т. II, под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. М.—Л., 1951, стр. 435, рис. 216; стр. 458, рис. 234.
- ¹⁹ ГТГ, Отдел рукописей, ф. 67, № 250.
- ²⁰ Фиолетовым нимбом украшена голова Георгия XII—XIV вв. из Юрьева монастыря в Новгороде (ГТГ, инв. 28711); розовые нимбы у «Иисуса» с Еммануилом XII в. (ГТГ, инв. 0158); оранжево-розовые нимбы у «Белозерской Богоматери» XIII в. (ГРМ, инв. држ. 2116); белый с приплеком охрой по краям нимб у «Спаса» оглавного XIII в. из Ростова (ГТГ, инв. 25540).
- ²¹ И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 219; В. И. Антонова. К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери. — «Византийский временник» т. XVIII. М., 1961, стр. 204—205.
- ²² ГТГ, инв. 21429.
- ²³ Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 219—220; В. П. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 496; В. И. Антонова. Памятники живописи Ростова Великого. М., 1947. Канд. дисс., стр. 47.
- ²⁴ «Сказание о явлении и чудесах... в Костроме», с предисл. И. В. Важенова, стр. 189.
- ²⁵ См. В. Лесвицын. Записки изографа Василья Никитина 1745 года — «Ярославские губернские ведомости», 1882 год, №№ 17—18.